

Неполетамская песенка

Хоть молоко бежит не за тобой,
кадриль скворца сравнима с силой тока,
когда электроплитка жарит мокко
в кофейне, захлебнувшейся слюдой,

ажурное железо майн и вир,
подъёмный кран – чулок с прозрачной ножки,
и лыбится старик, восстав из ношпы,
и зубы у него – сплошной пломбир,

вселенная, как девочка, слаба –
не заплывает пульс кефалью в сети,
дыханье, словно кафель в лазарете,
в бассейне – из учебника вода.

Подбитый, ты ломаешься сперва,
быть дураком стараешься при даме,
курить и пить навыворот губами
и так же выговаривать слова:

«Моксва, Моксва, люлбю беля, как ныс»,
по-кроличьи подрагивая носом,
кривой забор, такими же обоссан,
гнилые гвозди выставив, повис.

Боюсь, что этот май не доведём —
чем дальше в лес, тем ландыши жеманней,
и каждый ствол заряженный сжимает
в корнях, как в курьих лапах, чернозём,

но в свадьбах и разводах на стекле
маячит солнца детская ладошка,
и воробьи просыпанной картошкой,
и первые засосы в конопле,

где тополя, как лоси, разбрелись —
для счастья время самое и место,
любимую взять на руки, как тесто,
поторопись.

Почти почтительно

Цепляют из новой конторы
и тянут к себе тетиву.
Господь — это свет, на котором
соришь и — обратно во тьму,

ты — свечка второго размера,
грядущим векам не грози —
контактные линзы Гомера
остались в троянской грязи,

и видимость вновь нулевая,
тоску из утробы капелл
не музыка нам навевает,
скорее — Карузо напел,

точнее — дымок с папироски,
сивушная копоть мадер —

зовёт на долму Долматовский,
заходит Борис Заходер

твоё угорелое мясо,
когда от костра мало дым,
облив непростительным маслом,
забулькать вином молодым.

Ножевая корана

Проколот спицами Арахны, прожарен сотней папирос,
хоть ртом дыши – цветёт и пахнет сгоревшим веником мороз,
стволам берёз не до корысти – в мелу от заячьей грызни,
тебе, Жан-Жак Руссо-туристо, обнять Снегурочку ни-ни,

лыют сумерки с шершавой крыши свой черносливовый крюшон,
ты без фюражки шышел-мышел, но к маме так и не зашёл,
попробуй различить сквозь вьюгу от фонаря слепую брешь,
слова, где буква **п** по кругу – сплошные здёжь и стоунхедж,

лохматый снег толкает в спину, густой и кислый, как щавель,
несёт пургу для «джавелина», в котором гвоздик джарджавель,
но поворачивают башни дома под скрип кирпичных кож,
сошлись сугробы в рукопашной, и месяц – выбитый, как нож.

Уроним Босха

Утончающим гелием эго раздуто
так, что кончик рубашки торчит из ширинки,
незнакомые буквы закона как-будто
перевернута лента печатной машинки,

остальное твоё демонстрирует живость –
паучком по воде пробегающий литий,
вот и перепития такая сложилась,
невозможно отделаться от перепитий,

каждой девице с бантиком верно лет за сто,
говорят, что случается это в природе –
вроде сдулась совсем, но осталась грудастой
на юру во Содоме ли во эврибоди,

ты व्यюном оплетал ослепительно юных,
словно коршун парил, не какой-то возница,
что, закон тяготения не переплюнув,
так стремился в гудящее небо вонзиться,

потому, кто приземистее тот заметней,
вряд ли черное мыло для негров не гоже —
может статься война, или статский советник
подмигнёт с облучка государственных дрожек.

Венеция

Здесь сваи все свои и собраны в щепоть,
решив перекрестить причалы за упорство,
подробный лай цепей, бряцание щеколд,
мастак попасть плевком в затылок чайки с моста

Риальто — по нему катаются, как ртуть,
туристы, перебрав холодного «беллини»,
рискуя незаметно в воду соскользнуть
без всплеска и возни, как не было в помине,

на вапоретто — мрак, стоит, попав в силки,
свой в доску пассажир, и так же досконален —
ему послать никак, не вытянув руки,
воздушный поцелуй смазливой гранд каналье,

забрался антидот наяде под подол —
не жалко сквозняку, душевному калеке,
использованных им и брошенных гондол,
муранского стекла, журчащего сквозь веки,

чем дальше отплывёшь — острее острова,
вот и короткий дождь по лысынам зацокал,
Сан-Марко — птичий двор, где не растёт трава,
и не согреть дровам крылатой башни цоколь.

Ложная тревога. А. П.

О плинтусе не думай свысока —
слежавшуюся пыль не стоит трогать.

Взялась очистить дольку чеснока,
но кожура заехала под ноготь.

Приклеится винительный падеж –
моргай хоть в морге честными глазами,
поскольку погоришь не за коттедж,
а за госдачу ложных показаний.

Пример бюджетной радости возьми,
как держатся пельмени друг за друга –
живут без утомительной возни
в кавказском кипятке хинкалиюга.

Покажет грудь январская заря –
её сосок, как пипка на берете.
В окаменевшем пиве янтаря
нет ничего хорошего – забейте.

Пока, напившись сумерек, спим мы,
в давилъне сна найдёшь меня по стрелам
торчащим, на присосках – из спины,
из сердца, нарисованного мелом.